



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.2>

UDC 930.22  
LBC 63.3(2)5

Submitted: 21.08.2024  
Accepted: 30.09.2024

**CORRUPTION IN THE LOCAL GOVERNMENT SYSTEM  
OF THE RUSSIAN STATE  
(ACCORDING TO INVESTIGATIVE CASES OF THE 1590–1630s)**

**Vladimir A. Arakcheev**

Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow, Russian Federation;  
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

**Abstract.** *Introduction.* The purpose of the article is to study how corruption was understood in the Moscow state and how the fight against it was carried out in the system of local government to show the vector of institutional shift in the Russian state of the late 16<sup>th</sup> – first third of the 17<sup>th</sup> century. *Methods and materials.* The subject of the analysis is three investigative cases of corruption revealed during the 1590–1630s in three regions of Russia: Veliky Novgorod, Pskov, and Sviyazhsk. The investigation of cases was carried out using searches, which consist of questions from detectives and consolidated answers from people being interviewed, sealed with their assault. *Analysis.* During the study, a reconstruction of the corruption networks created by the clerk and governors was carried out, the methods and forms of obtaining illegal profits were studied, and an assessment was made of its volume and the scale of corruption in the Russian state. Administrators integrated into corrupt networks were punished with confiscation of their movable property and money savings and deprivation of office; sometimes the abuses they committed were not considered grounds for holding them liable. *Results.* Estimated calculations of corrupt profits do not convince that widespread ideas about the total corruption of the Russian administrative apparatus are justified enough. Corruption income of officials during the performance of their official duties and at the expense of the governed was illegal; by producing these laws, the state apparatus lost its patrimonial features and acquired a bureaucratic character, and the state became absolutist.

**Key words:** Russian state, Veliky Novgorod, Pskov, Sviyazhsk, corruption, administrative apparatus, governors, clerk.

**Citation.** Arakcheev V.A. Corruption in the Local Government System of the Russian State (According to Investigative Cases of the 1590–1630s). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 15-27. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.2>

УДК 930.22  
ББК 63.3(2)5

Дата поступления статьи: 21.08.2024  
Дата принятия статьи: 30.09.2024

**КОРРУПЦИЯ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ  
РУССКОГО ГОСУДАРСТВА (ПО СЛЕДСТВЕННЫМ ДЕЛАМ 1590–1630-х гг.)**

**Владимир Анатольевич Аракчеев**

Российский государственный архив древних актов, г. Москва, Российская Федерация;  
Институт российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

**Аннотация.** *Введение.* Цель статьи заключается в том, чтобы посредством изучения того, как понималась коррупция в Московском государстве и как осуществлялась борьба с ней в системе местного управления, показать вектор институционального сдвига в российском обществе и государстве конца XVI – первой трети XVII века. *Методы и материалы.* Предметом анализа являются три следственных дела о коррупции, выявленной на протяжении 1590–1630-х гг. в трех регионах России: Великом Новгороде, Пскове и Свияжске. Расследование дел велось с применением обысков, которые представляют собой вопросы сыщиков и консолидированные ответы опрашиваемых людей, скрепленные их рукоприкладствами. *Анализ.* В ходе исследования

осуществлена реконструкция коррупционных сетей, созданных дьяком и воеводами, изучены методы и формы получения незаконной прибыли, дана оценка ее объема и масштабов коррупции в Русском государстве. Интегрированные в коррупционные сети администраторы наказывались конфискацией их движимого имущества, денежных накоплений и лишением должности; иногда допущенные ими злоупотребления не считались основанием для привлечения их к ответственности. *Результаты.* Оценочные расчеты коррупционной прибыли не убеждают в справедливости распространенных представлений о тотальной коррумпированности российского административного аппарата. Коррупционные доходы должностных лиц в период исполнения ими служебных обязанностей и за счет управляемых были вне закона; производивший эти законы государственный аппарат утрачивал патримониальные черты и приобретал характер бюрократического, а государство – абсолютистского.

**Ключевые слова:** Русское государство, Великий Новгород, Псков, Свяжск, коррупция, административный аппарат, воевода, дьяк.

**Цитирование.** Аракчеев В. А. Коррупция в системе местного управления Русского государства (по следственным делам 1590–1630-х гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 15–27. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.2>

**Введение.** Правящим кругам русских княжеств XIV–XV вв. не было свойственно осознание проблемы коррупции. Любая властная позиция в средневековом обществе предполагала получение дохода от исполнения обязанностей; на Руси свою классическую форму эта ситуация получила в системе кормлений, когда доходы кормленщика были официально регламентированы в доходных списках и уставных грамотах [1, с. 179–204]. Только в 1460–1490-х гг. в языке права возникает описание нарушений правосудия по причине подкупа судей. Именно тогда в Псковской судной грамоте и Судебнике 1497 г. появились нормы права, запрещающие судьям брать «посулы», и таким образом в языке права впервые появилось описание коррупции как социально-политического зла, подлежащего порицанию в глазах общественного адресата. В ходе земской реформы 1550-х гг. система кормлений была реорганизована, институт волостелей упразднен, а в 1580-х гг. институт наместников, кормы которым были монетизированы и регламентированы, заменен институтом воевод.

Практика подношений воеводам в Московской Руси и России XVIII в. хорошо известна в историографии, а ее характер, как правило, оценивался как коррупционный [7; 18]. Однако исследователями были высказаны суждения о сохранении практики кормлений в России XVII–XVIII вв., что позволяло трактовать эти подношения как узаконенные в рамках обычно-правовых практик [11; 15, с. 522–555]. Коррупционные практики администра-

торов Устюжского и Усольского уездов в 1610–1620-х гг. изучил Д. В. Лисейцев, показавший, с одной стороны, многообразие форм получения воеводами и дьяками «кормовых и посульных денег», а, с другой стороны, ухищрения местных земских миров по уклонению от налогов [13]. Собственно, задачу данной статьи мы видим в том, чтобы посредством изучения того, как понималась коррупция в Московском государстве и как осуществлялась борьба с ней в системе местного управления, показать вектор институционального сдвига в российском обществе и государстве конца XVI – первой трети XVII века.

Язва коррупции поражала не только суд, но и органы управления, тем более что административные и судебные функции в Русском государстве осуществляли одни и те же властные инстанции, что было естественно для судебно-административной монархии [3, с. 45–46]. Факты или подозрения в коррупции подвигали тяглых и служилых людей на сопротивление, что проявлялось в контрверсных ситуациях, а в предельных случаях – в восстаниях 1547 г., Смутного времени, 1648 г., когда истреблению подвергались приказные судьи, подозревавшиеся в злоупотреблениях властью. Документальные сведения о попытках органов государственной власти «очиститься» от коррумпированных чиновников, проведя соответствующие расследования, дошли с 1590–1650-х годов.

Настоящая работа является продолжением предыдущей статьи автора, цель которой состояла в реконструкции коррупционной

сети, созданной дьяком Новгородского судного приказа Семеном (Семейкой) Емельяновым в 1586–1593 гг., изучении методов и форм получения незаконной прибыли, оценке ее объема и масштабов коррупции в Русском государстве конца XVI века [2]. В данной статье проблема рассматривается в расширенном территориальном и хронологическом контекстах: предметом анализа являются три следственных дела о коррупции, выявленной на протяжении 1590–1630-х гг. в трех регионах Русского государства: Великом Новгороде, Пскове и Свияжске.

Первое дело датируется ноябрем 1593 – маем 1594 г., и расследовалось оно думным дьяком А. Щелкаловым в отношении новгородского дьяка С. Емельянова. В его окружении действовали интегрированные в коррупционную сеть как официальные администраторы (подьячие, приказчики), так и его доверенные лица, не занимавшие официальных должностей. Дьяк Емельянов был задействован в коррупционных схемах снабжения русской армии; коррупционную составляющую, скорее всего, имела его попытка организовать обмен пленными без санкции Москвы.

В декабре 1630 – августе 1631 г. псковскими воеводами Н.М. Мецецким и П.М. Юшковым непосредственно на месте совершения предполагаемых злоупотреблений, в Пскове, велось следственное дело о деятельности прежних воевод Д.М. Пожарского-Лопаты и Д.Г. Гагарина. В ходе следствия проверялась достоверность обвинений в закрепощении и похолоплении воеводами выходцев из-за литовского рубежа, некоем «государевом деле», присвоении казенных денег, обложении посадских и уездных людей дополнительными налогами и поборами. В процессе повального обыска в январе – мае 1631 г. посадские люди двенадцати городских сотен подробно перечислили основные формы злоупотреблений воевод, среди которых первостепенными по важности были взятки за проезжие грамоты купцам, торговавшим в Прибалтике, неоплачиваемые работы городских мастеров, неоплачиваемые изъятия товаров из лавок, подвод у извозчиков и ямщиков и т. д. [19, с. 33–72]

Третье дело по обвинению в коррупции свияжского воеводы Е.Ф. Мышецкого рассматривалось в 1638–1640 гг. в ведомствах

приказа Казанского дворца и Сибирского приказа. Мышецкий совместно с дьяком Ф.С. Ларионовым управляли Свияжским уездом в 1635–1636 гг., после чего дьяк выдвинул против бывшего воеводы и его сыновей обвинения в многочисленных злоупотреблениях [17, с. 23–188].

**Методы и материалы.** Сохранность источников по «государеву делу» XVI – первой половины XVII в. крайне невысока, что отразилось в описи архива Посольского приказа 1626 г., где констатируется, что «сыские доводные дела старые» истлели настолько, что не подлежат просмотру [14, с. 263]. Поэтому в науке не известны датированные более ранним временем источники о коррупции, чем хранящееся в фондах РГАДА уникальное дело о расследовании злоупотреблений в Великом Новгороде в 1593/94 году [9]. Это одно из наиболее древних сохранившихся дел фонда Приказных дел старых лет содержит материалы следствия, инициированного против дьяка Новгородского судного приказа Семена Емельянова. Источник представляет собой отпуски грамот из Новгородской четверти, находившейся под управлением думного дьяка А. Щелкалова, инициировавшего расследование. Реконструкция исходной последовательности листов дела приводит к выводу о том, что оно состоит из двенадцати документов ноября 1593 – мая 1594 г.; источник не опубликован и впервые вводится в научный оборот в исследованиях автора.

Материалы розыска по делу о злоупотреблениях псковских воевод Пожарского и Гагарина состоят из 47 обысков, осуществленных в Пскове в 1630–1631 гг. среди всех категорий населения [21; 19]. Опросу были подвергнуты представители духовенства черного и белого, помещиков, служилых людей по прибору (стрельцы, казаки, недельщики, пушкари, воротники, казенные кузнецы). Зафиксированы ответы двух губных старост, голов и сотников стрелецких приказов, посадских людей двенадцати городских сотен, пятых всегородных старост 1628–1631 гг., дворцовых крестьян семи засад, пятнадцати групп церковных крестьян во главе с попами. В обысках не участвовали только помещичьи крестьяне. Обыски представляют собой вопросы сыщиков и консолидированные ответы

опрашиваемых людей, скрепленные их рукоприкладствами.

Обыск в Свияжске осуществлялся сыщиками Сибирского приказа в ноябре – декабре 1638 г.; его материалы сохранились с достаточной степенью полноты. Материалы розыска по делу о злоупотреблениях Е.Ф. Мышецкого состоят из 26 документов: 19 обыскных речей, 5 сказок и 2 памятей [16; 17]. Обыски проводились среди посадских людей, стрельцов, подьячих и других служилых людей по прибору, священнослужителей, дворян и детей боярских, служилых татар и новокрещен, ясачных людей.

Все три дела велись в рамках так называемого розыскного процесса, применявшегося для наиболее значимых дел государственной важности, которых для описываемого периода сохранилось немного. Аналогии с одним из наиболее известных розыскных дел – Углицким следственным делом 1591 г. – очевидны; С.Б. Веселовский в свое время отметил, что Углицкое дело «является не списком и не обработкой следственных материалов, а подлинником, и в тех частях, которые содержат допросы, протоколом следствия» [8, с. 185]. Аналогичная археографическая характеристика применима и к охарактеризованным выше делам о коррупции, что имеет непосредственное значение для дальнейшего анализа.

Интерпретация выявленных источников по истории коррупции затруднена тем очевидным обстоятельством, что их анализ на основе современных понятий о праве будет анахроничным, следовательно, применение такого рода понятий противоречит логике научного исследования. Поэтому важным сопутствующим условием интерпретации должно быть выявление определенных операциональных понятий, бытовавших в административно-правовой сфере функционирования московского общества. Лишь на их основе можно сформулировать ковариантные суждения, пригодные для исследования такого феномена, как коррупция.

**Анализ.** Типичные коррупционные приемы, практиковавшиеся воеводами и приказными людьми, перечислены в указе, изданном не позднее 10 августа 1620 г.: ведение государственных дел не в соответствии с царски-

ми указами, причинение «насильств, и убытков, и продаж великих» монастырям, служилым, посадским и уездным людям, взимание с них «многих» посулов, поминков и кормов. В этом же указе содержались запреты и предписания воеводам и приказным людям: «чтоб в городех... наши всякие дела делали по нашему указу, и служилым бы, и посадским, и уездным, и приезжим никаким людям насильств и продаж не делали, и посулов, и поминков ни от каких дел, и кормов с посадов и с уездов на себя не имали, и лошадей, и платья, и товаров, опрочь съясново, не покупали».

Согласно указу должна была быть пресечена практика использования дармового труда подвластного населения: «...на дворах у себя денщиком, и детем боярским, и стрельцом, и казаком, и пушкарем, и затинщиком, и с посадов бы, и с слобод водовозом, и всяким деловым человеком быть, и хлеба молоть, и толочь, и печь, и никакова изделья делать на себя во дворах, и в посадех, и в слободах не велели, и городскими и уездными людьми пашен не пахали и сена не косили». В случае нарушения царского указа воеводами и челобитья с мест («будет в которых городех воеводы учнут делать не по нашему указу самовольством, а на ково в чом будут челобитчики») предписывалось наложить на воевод штрафные санкции: «то все велели взяти на них вдвое, да им же от нас быти в великой опале» [12, с. 102].

Поскольку в Соборном уложении коррупция отождествлялась лишь с посулами в судах, цитированный указ не нашел отражения в тексте свода законов. По Уложению за принятый посул судья наказывался торговой казнью в случае, если он не принадлежал к числу думных людей [20, с. 31]. В соответствии с цитированным указом под понятие коррупции подпадало и взимание кормов с местного населения, выборные власти которого привычно фиксировали расходы на «кормление» должностных лиц в земских расходных книгах. В сопоставлении с указом не позднее 1620 г. дела Емельянова, Пожарского и Мышецкого в основных своих чертах выглядят типичными: им вменялось в вину ведение государственных дел не в соответствии с царскими указами, причинение «насильств, и убытков,

и продаж великих» тяглым людям, взимание с них «многих» посулов, поминков и кормов, вследствие чего был нанесен ущерб обороноспособности страны.

Применительно к кейсу дьяка Емельянова 1593–1594 гг. его главной «виной» было сочтено превышение полномочий во внешнеполитической сфере. Во время русско-шведской войны 1590–1592 гг. попал в плен новгородский помещик Михаил Мякинин, мать которого Марфа доводилась кумой дьяку С. Емельянову. Чтобы не выплачивать за сына крупный выкуп, М. Мякинина попросила дьяка добыть шведского пленника, которого можно было бы обменять на сына. В качестве обменного фонда была предложена дочь шведского пастора Мария, взятая в плен русскими войсками во время январского 1592 г. похода П. Шереметева на Выборг.

Планировавшийся обмен попытался организовать дьяк Емельянов, и поскольку действовавшее в 1592–1593 гг. перемирие между Россией и Швецией предполагало перемещение лиц и товаров, в Новгород из-за рубежа прибыла мать пленной девушки, поселившаяся в Новгороде на дворе купца И. Попова. Емельянов пренебрег обязанностью согласовать обмен с Посольским приказом и самовольно подготовил проезжую грамоту для поездки за границу целой группы лиц: купца И. Попова и двух немков в сопровождении холопов М. Мякинина. Но представители администрации шведской армии не прибыли на съезд, и обмен не состоялся. Розыск по этому делу в конце 1593 – начале 1594 г. происходил в Новгороде и Ивангороде, дело было признано «государевым», то есть квалифицировано как посягательство на внешнеполитические прерогативы государства. «Вина бóльшая в том Семейкина» – гласил вердикт дознавателей, и ответственность за это государственное преступление предопределило обвинение С. Емельянова в коррупции [2].

Запрет «имать на себя» посулы и поминки касался широко распространенной практики взяточничества. Заслуживают внимания методы получения посулов, выявленные в ходе расследования дела Емельянова в 1593/94 г.: для организации коррупционных схем дьяку пришлось привлечь 15–17 человек, по меньшей мере часть которых были объединены

родственными и свойственными связями. Ядро этой группы администраторов составляли наиболее доверенные люди дьяка – «веременики» (временщики). Управление населением осуществлялось «мимо государев указ», то есть в нарушение действовавшего порядка управления. «Веременики» назначались «на приказ» для управления наиболее доходными дворцовыми волостями и с целью сбора налогов. Отец и сын Луговские управляли дворцовым селом, осуществляли контроль за денежными и хлебными сборами, проводили «дозоры» (ревизии) состояния волостей и погостов. Вешняк Нечаев осуществлял управление Заонежскими погостами, включавшими в свой состав значительную часть территории Карелии. Вышеперечисленные и иные «большие дела» временщиков сопровождались получением посулов и поминков, которые передавались патрону [9, л. 52].

Помимо «веремеников» Емельянов опирался на официальных должностных лиц (ключников, приказчиков), которые в документах дела названы «держальниками». «Держальник» Томила (третий член семьи Луговских) был поставлен у «большого дела» по управлению казенными хранилищами. Совместно с двумя сообщниками («заговорщиками») он отстранил от реального управления казенными запасами прежнего ключника. «Держальник» Суббота Микифоров был поставлен на должность приказчика в оброчную черную волость на Ладожский порог, где он собирал с крестьян «на Семейку и себе посулы и поминки». Двое «держальников» на должностях подьячих наживались на натуральных поставках для нужд армии. Когда с крестьян Новгородского уезда взималось «на воинские обиходы» сено, его остатки уходили на продажу, прибылью с которой «корыстовались» администраторы. При закупках хлеба на государственные нужды в счет не поставленного хлеба в оброчных волостях у крестьян взимались деньги [9, л. 21–22].

Посулы взимал и «держальник» на должности подьячего Д. Соловецкий, который управлял поместными делами – вводом служилых людей во владение поместьями, ревизией состояния «пустых» поместных земель. «Многие посулы и поминки» взимали даже низшие служители административного аппарата –

четверо посыльных подьячих, официально не получавшие жалованья и названные в материалах дела «боранниками» [9, л. 24, 21, 33, 30].

Особенность деятельности дьяка С. Емельянова в Новгороде состояла в том, что в его орбите влияния оказывались десятки лиц, включая тех, в чьи дела он был замешан косвенно. Зимний поход 1591/92 г. русских войск на Выборг осуществлялся, как обычно, при активном участии новгородских крестьян в работах по обеспечению похода и натуральных поставок для армии П. Шереметева. Посошные люди были обязаны сопровождать армию для выполнения инженерно-технических работ и доставки в полки продовольствия и фуража.

Столь обременительные обязанности побуждали крестьян входить в сговор с армейским командованием и передавать воеводе Шереметеву при посредничестве сына боярского Ч. Култашева крупные суммы денег в виде взяток. Выплатив 150 руб. в качестве взятки, крестьяне из посошного сопровождения армии «весь запас» (хлеб и фураж) уложили «в стопы на снег» и вернулись восвояси. Крестьяне Сумерской волости, обязанные поставить в армию 12 тыс. копен сена и овес, передали Ч. Култашеву 200 руб. взятки для воевод и поставили в армию всего 1 тыс. копен сена. Следствием недопоставки фуража стал массовый падеж лошадей в русской армии в условиях зимнего похода – факт, легший в основание «извета», поданного одним из недоброжелателей П. Шереметева [9, л. 40, 38, 53]. Невзирая на то, что причастность дьяка Емельянова к взяточничеству воевод не была доказана, сам факт невыполнения посошной повинности крестьянами, находившимися в сфере управления новгородского дьяка, послужил основанием для включения этого эпизода в состав дела.

Воевода или дьяк в России конца XVI – XVII в. находился в непростом положении. С одной стороны, он должен был безукоризненно выполнять царские указы, с другой – был связан обязательствами по выплатам с населения вверенного его управлению уезда косвенных и прямых налогов государству. Более распространенными были ситуации, когда воевода принимал решение вопреки царским указам под воздействием нужд фиска.

Псковских воевод Пожарского и Гагарина обвиняли в предписании продавать яблоки откупщикам, невзирая на указную грамоту из Москвы; это нарушение не было поставлено воеводам в вину, поскольку решение было принято, очевидно, в целях обеспечения сборов кабацких денег [19, с. 37, 68]. Одно из главных обвинений в адрес Пожарского состояло в том, что он «имал в холопи и во крестьяне» выходцев из-за литовского рубежа, хотя конкретных фактов такого рода сыщики не обнаружили [19, с. 112–113].

Дело по обвинению свияжского воеводы кн. Мышецкого также включало в себя обвинения в нарушении царских указов: это было обвинение в использовании в своих целях хлеба из казенных житниц, присвоении предназначенных для посольских подарков и государева обихода заповедных товаров, освобождение из тюрьмы разбойников, оставление города ради поездки в гости к помещику. В ходе обыска подтвердились обвинения воеводы в незаконном винокурении, использовании им казенной мельницы [17, с. 71–80]. Согласно доносам, воевода пытался присвоить принадлежавший к числу «заповедных» товаров и закупавшийся в казну мех белки-казанки, но подьячий денежного стола показал лишь, что первая партия белок, закупленная на казенные деньги в 1636 г., была воеводой забрактована. Однако по получении царского указа в следующем 1637 г. партия белок была закуплена в казну [17, с. 68–70].

Под «насильствами, убытками и продажами» опрашиваемые в обыскных речах понимали действия администрации, приводившие к дополнительным расходам при ведении дел, а также к противозаконному обогащению воевод и дьяков. Новгородский дьяк С. Емельянов, помимо получения доходов с управляемых, был замешан и в узурпации непосредственных доходов государства. Летом – осенью 1591 г., когда ушел в отставку и сдал государству свое поместье прежний новгородский дьяк А. Арцыбашев, на доходы с его поместья наложил руку его преемник С. Емельянов. Последний безуспешно пытался уречьить арцыбашевское поместье за собой, но еще до царского указа 1592 г., согласно которому владение следовало «описать» как возвращенное под государственное управление,

люди Емельянова, заявив крестьянам, «что то поместье досталось Семейке», собрали с крестьян денежный и продовольственный оброк в пользу дьяка. Осенью 1592 г. «верременник» дьяка Д. Луговской «по Семейкину приказу» вторично собрал с арцыбашевского поместья «примолотный хлеб» (превысивший нормы обычного урожая) и отвез во двор Емельянова в Новгород [9, л. 6, 3].

Важным каналом получения незаконных доходов Емельяновым была торговля новгородских купцов его товарами. Один из оштрафованных в результате расследования новгородских купцов торговал сукнами, принадлежавшими Емельянову [9, л. 19].

Как показывают обыски посадских людей Житницкой, Великоулицкой и других сотен, в 1620-х гг. псковские воеводы Пожарский и Гагарин обязывали посадских людей перед выездом из города для закупки товаров на продажу в уездах Псковской земли брать разрешение у воевод, процедура которого расценивалась как «удержание и продажа». Солодовники были обязаны «даром растить» необходимый для пивоварения и хлебопечения солод. Огородники равным же образом «без денег» обязывались предоставлять на воеводский двор овощи. Промышлявшие извозом посадские люди должны были на нужды воевод предоставлять лошадей с подводами. Уямщиков «без найму и без прогонов», то есть без какой-либо оплаты для собственных нужд изымали подводы на две три недели, а у торговцев – ладьи [19, с. 36–37, 42–43, 67–68].

«Насильство и продажа» были применены и к торговцам-рядовичам, которые должны были в принудительном порядке продавать воеводскую соль. Посадские люди Петровской сотни показали, что кн. Пожарский «накинул насильством» (принудил) посадских людей продавать в соляном ряду свою соль, которая продавалась по 3 рубля за берковский, а деньги с них были взяты исходя из цены по 4 руб. за берковский [19, с. 127]. Дворцовые и церковные крестьяне в обыскных речах жаловались на сверхурочные работы в интересах воевод «на государевых дворцовых пустошах и под городом на государевой десятинной пашне»; работы включали весь сезонный цикл: посев, жатву и молотью зерновых, «об-

ряжание» льна, кошение сена, заготовка дров, доставка произведенного [19, с. 82–83, 69, 143].

В перечне злоупотреблений из показаний сотского и «суседей» Житницкой и Жирковской сотен, данных сыщикам 25 февраля 1631 г., особняком стоит обвинение в денежных поборах «на всякие их воеводские расходы», которые собирали сотские и относили их во всегородную избу к старосте Овсею Федорову; выдача «городовых поборных денег» воеводам фиксировалась в расходных книгах 1628–1630 гг. [19, с. 38, 43, 50, 68]. Посулы передавались воеводам и во время принудительного участия посадских людей в званых обедах, когда они дарили воеводам деньги в размере от полтины до «ефимка» [19, с. 38]. Из всех псковских сотен только жители Жирковской сотни показали, что при получении проезжих грамот для поездок с товарами за рубеж (в Дерпт, Ригу, Ревель) и в псковские пригороды, посадским людям приходилось платить посулы по 5–6 рублей [19, с. 48].

Деятельность администрации свияжского воеводы Мышецкого носила двойственный характер, и явных злоупотреблений в отношении посадского населения Свияжска он не допускал. Исключением можно считать принятую им в качестве взятки рыбу белугу у таможенного и кабацкого головы [17, с. 71–72]. Но сложившаяся на посаде группа «сильных людей», опираясь на поддержку воеводы, остальным посадским людям «чинили насильство и налоги великие». «Насильство и налоги» выражались в том, что представители «лучших людей» захватывали выборные должности земских старост и несли посадские службы в меньшем объеме «з больших своих окладов». «Средних и молотчих людей», напротив, с малых окладов посылали в обременительные отъездные городские службы. Однако о злоупотреблениях воеводы по отношению к ясачным людям посадские люди отговорились неведением, заявив, что «явок от них к нам в мир не бывало» [17, с. 34–68].

Тем не менее «насильства» администрации кн. Мышецкого в Свияжском уезде распространялись и на ясачное население; ясачные чуваша и татары жаловались, что к ним в села приезжали собирать урожай для воеводы доверенный посадский человек и холоп. На подводах местного населения они ездили

на рыбную ловлю: «а в которой деревне подводы не возьмут, и они с тех деревень имали деньги» в суммах от 20 алт. до рубля [17, с. 194].

Таким образом, если обвинения в отношении дьяка Емельянова подтвердились, то большинство обвинений в адрес псковских и свияжского воевод оказались либо малозначительными, либо неподтвержденными.

Алгоритмы и ход следствия по делам о коррупции могут быть поняты не только исходя из особенностей ведения расследований о злоупотреблениях воевод, но и, частично, структуры сохранившихся частей Углицкого розыска 1591 года. Последнее дело содержит в себе все основные черты розыскного процесса, включая материалы допросов как отдельных лиц, начиная с безымянного сборщика посохи, так и групп лиц (дворцовых подьячих, поваров, хлебников, «городчан посошных людей»). Если начало дела 1591 г. не сохранилось, то его заключительные части дошли, по всей видимости, без существенных утрат. Единственным сохранившимся видом документов в Углицком деле являются распросные речи, заверенные рукоприкладствами допрашиваемых. Дело завершалось протоколом заседания Освященного собора с участием царя и патриарха, где в качестве последнего и наиболее весомого аргумента была зачитана челобитная городского приказчика Р. Ракова, и приговор Освященного собора формулировался исходя из данных розыска [10, с. 34–41].

Исследованные нами дела о коррупции завершались не столь масштабно, но ход расследования был практически идентичным. По делу о взятках, переданных посошными людьми воеводе Шереметеву, в 1593 г. было дано распоряжение провести повальный обыск среди посошных людей: «тех посошных людей по тем имянным списком... поставить перед собою, да тех посошных людей распросили, сколько они Петру Шереметеву и тому сыну боярскому Черемисину Култашеву да подьячему Степану Собакину, которой тех посошных людей привел из Новагорода в полки, дали посулов и поминков по чему с человека» [9, л. 38].

По делу о злоупотреблениях дьяка С. Емельянова в декабре 1593 г. было пред-

принято расследование мест хранения денег дьяка. «Семейкины животы Емельянова» искали на новгородском подворье Александровского монастыря, и обнаружили в сундуках три коробки за монастырскими печатями, в которых находились 3 000 рублей. В памяти новгородскому дворецкому Годунову сохранилось предписание об организации допроса монастырского старца, поскольку сыщики подозревали, что владельцем денег был дьяк Емельянов: «старец Герман стакався с Семейкою, те деньги хотя утаить, да называет их монастырскими» [9, л. 29, 28]. В 1593–1594 гг. обвиненные в коррупции администраторы были наказаны конфискацией их движимого имущества и денежных накоплений и лишением должности; вовлеченные в некоторые авантюры «верные» были наказаны штрафами.

На купца Истомина, который по уговору с дьяком торговал его товарами, был наложен штраф («пени») в сумме 200 руб. «за то: не дружися он с дьяком, и не емли у него животов; за такие безделья мы его ныне пощадили, а вперед бы он о своей о прямой силе жил, а к таким не приставал». Купца следовало принудить «сказать правду, что у него семейкиных денег» [9, л. 19].

От следственного дела Пожарского и Гагарина 1630–1631 гг. сохранились 47 обыскных выписей, опрашиваемые фигуранты которых в большинстве случаев отговаривались неведением. Большая часть подвергнутых обыску людей дали крайне скудные показания, отговорившись неведением; так поступили представители черного и белого духовенства, заявившие о том, что «корыстуются» ли воеводы казной, налагались ли «продажи» и «поборы великие» воеводами на уездных и посадских людей, они «не ведают», хотя «слухом слышали» об этом; самим же монастырям и их крестьянам «насильства» от воевод не было [19, с. 6, 10, 14, 18]. Весьма скудными были и показания псковских помещиков, которые сказали, что «збирали, или не збирали» воеводы поборы с уездных людей, и была ли им «продажа», об этом знают лишь всегородные и волостные старосты. Поразительным неведением отличались и двое губных старост, которые не знали даже о судьбе якобы находившихся в тюрьме выходцев из-за

рубежа [19, с. 22, 25–27]. Полным неведением отличались голова, сотники и пятидесятники двух стрелецких приказов, которые заявили, что «слухом слышали» только то, что холоп Пожарского объявил в съезжей избе «государево слово», но какое это было «слово», им осталось неизвестно [19, с. 29–30, 32–33, 92].

Во время обысков в поместьях и церковных вотчинах Демянницкой, Бельской и Заклинской засад ответы давали священники из поместий и церковные крестьяне, отговорившиеся полным неведением по всем пунктам обыскных вопросов и ответившие, что именно они «пашен не пахивали, и сен не кашивали, и продажи и никакова насильства» от воевод им не было [19, с. 161, 164]. Консолидированно с наиболее пространными показаниями против воевод выступили только посадские люди двенадцати городских сотен.

Подтвержденные показаниями посадских людей злоупотребления псковских воевод в полной мере соответствовали типичным коррупционным приемам администрирования, изложенным в цитированной выше указной грамоте в Муром 1620 года. Видимо, полагаясь на доносы, следователи искали, но не нашли подтверждения фактов самоуправного закрепощения воеводами выходцев из-за литовского рубежа, «государева дела» и присвоения ими казенных денег. Пожарский и Гагарин не были привлечены к ответственности, видимо, потому, что в ходе обысков не подтвердились именно эти, наиболее тяжкие по своему составу, обвинения.

Дело о злоупотреблениях кн. Мышецкого также расследовалось путем организации повальных обысков. Опасными для бывшего воеводы были обвинения в освобождении за взятки от астраханской службы дворян и детей боярских, а также стрельцов, освобождении из тюрьмы лиц, обвинявшихся в разбое. Подвергнутые допросам подьячие съезжей избы убедительно опровергли эти наветы, показав скудость мобилизационного резерва в Свияжске, где несколько десятков служилых людей были вынуждены ежегодно нести ближние службы на засеках. В результате на дальние службы под Астрахань вместо больных и приставленных к «государевым делам» в Свияжске воевода вынужден был отправить

их детей и племянников [17, с. 64–65]. Доказанными, но несущественными злоупотреблениями было принуждение к работам в собственных интересах воеводы мастеров-оружейников, попустительство уклонению от налогов «сильных» и «прожиточных» посадских людей, попустительство ясачным людям в уклонении от выплаты ясака [17, с. 61–80]. Правительственный обыск не имел последствий и не повлек за собой обвинения воеводы в коррупции, видимо, по причине того, что выявленные злоупотребления так же, как и в случае обвинения псковского воеводы Пожарского, не наносили существенного ущерба интересам государства.

Значимость изученных дел состоит в том, что они позволяют поставить вопрос о масштабах коррупции и о коррупционных издержках системы управления в Московской Руси в конце XVI – первой половине XVII века. Сопоставление данных о суммах налоговых поступлений с Новгорода и вмененных Емельянову коррупционных доходах убеждают в незначительности последних. Коррупционные доходы за шесть лет управления Емельянова в денежной форме, конфискованные в казну, составили 1 109 руб. 22 алтына. К этой сумме следует прибавить не исчисленную в материалах дела стоимость конфискованных материальных активов «Семейки», семьи Луговских, штраф, наложенный на купца Истомина, пени, наложенные на «боранников» и других причастных к хищениям этой группы. Предположив, что сумма доходов, исчисленных за шесть лет и изъятых в казну, составила 2,5–3 тыс. руб., несложно подсчитать, что годовой предполагаемый коррупционный доход организованной группы достигал 400–500 рублей. В то же время государственные доходы с Новгорода, по данным Д. Флетчера, в середине 1580-х гг. составляли 35 000 руб. прямых налогов («тягла и податей») и 6 000 таможенных пошлин [22, с. 45]. Следовательно, коррупционные издержки по управлению Новгородом составляли 1–1,2 % от фискальных поступлений с этого региона. Указанные расчеты отражают всего лишь представления дьяка Щелкалова и его аппарата о масштабах обогащения С. Емельянова и его «верников» и «держальников». Они, тем не менее, находят соответствие выводам современных

исследователей. Д.В. Лисейцев показал на примере предложения взятки думному дьяку в 1621 г., что ее суммарный объем составлял около 2 % годового денежного сбора с управляемых уездов Поморья [13, с. 91].

Допускаем, что реальный ущерб, наносимый государству, был существенно больше исчисленного на основе сохранившихся источников, но не настолько всеобъемлющ, как можно было бы судить об этом по мемуарам Г. Штадена. Оценочные расчеты коррупционной прибыли С. Емельянова и его клиенты не убеждают в справедливости распространенных представлений о тотальной коррумпированности российского административного аппарата, и никак не соотносятся ни с выявленным на основании дела Емельянова масштабом коррупции, ни с результатами расследования дел Пожарского и Мышецкого. В сопоставлении с указом не позднее 1620 г. дела Емельянова, Пожарского и Мышецкого в основных своих чертах выглядят типичными: всем им вменялось в вину ведение государственных дел не в соответствии с царскими указами, причинение «насилъств, и убытков, и продаж великих» тяглым людям, взимание с них «многих» посулов, поминков и кормов, вследствие чего был нанесен ущерб обороноспособности страны.

Типичным является и непротивление управляемых коррупционным практикам: из новгородского дела 1593–1594 гг. очевидно желание крестьян Сумерской и других волостей «откупиться» от повинностей, заплатив взятку воеводам или дьяку, нежели выполнять обременительные обязанности, в особенности по исполнению посешной повинности. Прослеживается очевидная параллель с положением дел на черносошном Севере, население которого за взятки облагалось налогами в существенно меньшем объеме [13, с. 107–110]. Такие устойчивые формы социального взаимодействия позволяют говорить о рутинизации коррупционных практик во взаимоотношениях между администрацией и подвластным населением, которые заключали негласный пакт на основе взаимовыгодного (реципрокного) игнорирования тягостных государственных повинностей.

**Результаты.** Зададимся вопросом о том, что дает добытый и проанализированный

нами фактический материал для решения проблемы стабильности государственной системы России. Заслуживают внимания методы получения «посулов», выявленные в ходе расследования новгородского дела: «посулы» брал не сам дьяк, а его «верники» и «держальники», или же посторонние для Новгорода люди, как, например, принадлежавший к другому «служилому городу» Ч. Култашев. Для организации коррупционных схем Емельянову пришлось привлечь 15–17 человек, по меньшей мере часть которых были объединены родственными и свойственными связями (семья Луговских, кума Мякина). Таким образом, комплексное расследование дела оказалось возможным только после подачи ряда «изветов» и «доводов», из которых решающим стал донос о несанкционированном свыше обмене пленными. Следовательно, дьяк Емельянов изначально имел основания опасаться и расследования, и судебного преследования за свою коррупционную деятельность, что свидетельствует не только о порицании последней в общественном мнении, но и об основательных усилиях государства не допустить разрастания коррупции. В этом контексте Русское государство конца XVI в. предстает монархией, типологически близкой западноевропейским государствам раннего Нового времени, а российская управленческая страта являет признаки нарождающейся бюрократии.

В деле С. Емельянова 1593/94 г. наличествуют неизвестные из других казусов детали, позволяющие не только реконструировать тезаурус российского администратора, знакомого с коррупционными практиками, но и сопоставить это новое знание с терминологией, уже введенной в научный оборот во французской историографии. Понятия «верник», «временник», «держальник» находят соответствие в терминах, бытовавших во Франции раннего Нового времени, система продажи должностей в которой делала ее государством с легализованной коррупцией. Полным аналогом термина «верник» было французское понятие *fidele* (верный). Понятия «верности» и «верных» во Франции XVII в. были исследованы Роланом Мунье, который определял их сущность следующим образом: «Таким образом, полной самоотдаче, безграничной преданности со стороны *верного* должны соответ-

ствовать полное доверие, безграничное доверие и покровительство господина» [26, р. 103].

Поиск аналогий русским понятиям «временник» и «держальник» во французском языке XVI–XVIII вв. приводит к термину «креатура», обозначающему ставленника некоего высокопоставленного покровителя. Р. Мунье отмечал как сходство отношений между «верными» и господами, и креатурами и покровителями, так и существенные отличия между этими парными понятиями. «Обычно ожидалось, что покровитель назначит своего *креатуру* на официальную или общественную должность и обеспечит его карьеру в сфере управления. *Креатура* должен был, при исполнении его функционала, служить интересам его покровителя, и если было необходимо, предпочитая их, или действуя против интересов короля и государства» [26, р. 106]. Представляется, что соответствия на уровне терминологии, отражающей коррупционные практики в Русском государстве и европейских государствах раннего Нового времени, позволяют в дальнейшем построить абстрактно-аналитическую модель коррупциогенного взаимодействия в стратифицированных обществах Европы. Уже сейчас, на стадии регионального исследования, возможно очертить контуры искомой модели. По мере налаживания коррупционных связей формируется подгруппа с высоким уровнем внутренней солидарности и с плотной сетевой структурой [24]. Невзирая на то, что подгруппа коррупционеров складывается в недрах органов государственной власти, ее сетевой характер роднит такую подгруппу с отрядами повстанцев, чья деятельность носила антиправительственный характер [4].

Исследованные материалы дают основу и для определения типологии Русского государства, которое возможно в теоретических рамках концепта «патримониальная монархия» и его применения к истории России. М. Вебер рассматривал как патримониальные государства не только Россию XVIII в., но и Францию XVII–XVIII веков [6, с. 100–101, 132–134]. И. Валлерстайн считал, что создание патримониального государственного аппарата в России произошло в годы правления Ивана Грозного [5, с. 389]. Р. Мунье полагал, что царь был не только главой Московского государства, но и считался наследственным собственником го-

сударства. «Московия была его личным домом, его отчиной, наследуемой его семьей» [25, р. 115]. В отличие от западноевропейских историков и социологов Б.Н. Флоря полагает, что Русское государство было патримониальной (вотчинной) монархией до 1550-х гг.; в ходе реформ «50-х гг. XVI в. был сделан важный шаг на пути к созданию сословного общества и сословной монархии» [23, с. 52].

В своих построениях мы исходим из концепции Б.Н. Флори, хотя и не разделяем его убежденность в том, что во второй половине XVI в. Россия шла к формированию сословной монархии. И действительно, если рассматривать Русское государство XVI–XVII вв. как патримониальную монархию, непонятны такие принципиально новые явления в государственной жизни страны второй половины XVI – XVII в., как земские соборы, формирование бюрократического приказного аппарата, и, собственно, понимание коррупции как общественного зла. Борьба государства с коррупцией в этом контексте видится как стремление ограничить публичную сферу власти от хозяйственно-экономической деятельности лиц, причастных к публичной сфере власти. Если построенная нами в данном исследовании каузальная эмпирическая модель верна, она дает возможность высказать предположение о векторе развития Русского государства и общества во второй половине XVI – XVII века. Коль скоро «прибытки» должностных лиц в период исполнения ими служебных обязанностей и за счет управляемых оказываются вне закона, то производящий эти законы государственный аппарат утрачивает патримониальные черты и приобретает характер бюрократического, а государство – абсолютистского.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракчеев В. А. Власть и «земля»: правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – XVII в. Екатеринбург: Древлехранилище, 2014. 507 с.
2. Аракчеев В. А. «По Семейкину велению»: древнейшее дело о коррупции в Русском государстве 1593/94 г. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2024. № 3. С. 104–116.
3. Аракчеев В. А. Соборное уложение и социально-политическая эволюция России во второй

половине XVII в. // Российская история. 2023. № 1. С. 26–46.

4. Аракчеев В. А. Феномен разбоев в России начала XVII в.: к типологии повстанческих движений // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6, № 4. С. 972–983.

5. Валлерстайн И. Мир-система модерна. Т. I. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 552 с.

6. Вебер М. Хозяйство и общество. Т. IV. Господство. М.: ВШЭ, 2019. 542 с.

7. Веселовский С. Б. Приказной строй управления Московского государства // Русская история в очерках и статьях. Киев: Кн. маг. Н.Я. Оглоблина, 1912. С. 166–197.

8. Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М.: Наука, 1978. 342 с.

9. Дело о злоупотреблениях С. Емельянова в бытность его дьяком в Новгороде // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 141. Оп. 1. 1593 г. Д. 2. 58 л.

10. Дело розыскное 1591 г. про убийство царевича Димитрия Ивановича на Угличе. М.: Изд. Императорского археологического института им. Николая II, 1913. 41 с.

11. Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII в. СПб.: Изд. РНБ, 2000. 352 с.

12. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. Л.: Наука, 1986. 261 с.

13. Лисейцев Д. В. «Привезли в посулах устюжане сто рублей денег»: земские миры и центральная власть в Московском государстве // Российская история. 2018. № 4. С. 90–110.

14. Описание архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М.: Гл. архив. упр., 1977. 416 с.

15. Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ. Екатеринбург: Волот, 2007. 606 с.

16. Свяжское сыскное дело про воеводу Ефима Мышецкого // РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 82. 803 л.

17. Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 2. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитарных наук, 2020. 621 с.

18. Седов П. В. Подношения в Московских приказах XVII в. // Отечественная история. 1996. № 1. С. 139–150.

19. Следственное дело о князе Д.М. Пожарском во время бытности его воеводою в Пскове // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1870. Кн. 1. С. 3–179.

20. Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л.: Наука, 1987. 446 с.

21. Сыск о злоупотреблениях Пожарского-Лопаты и Гагарина в Пскове в 1631 г. // РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 46. Л. 277–307, 313–314.

22. Флетчер Д. О государстве русском. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1906. 138 с.

23. Флоря Б. Н. Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 1999. 401 с.

24. Dahrendorf R. Toward a Theory of Social Conflict // *Journal of Conflict Resolution*. 1958. Vol. 7. P. 170–183.

25. Mousnier Roland. Social Hierarchies: 1450 to the Present. New York: Schocken Books, 1973. 210 p.

26. Mousnier Roland. The Institutions of France under the Absolute Monarchy 1598–1789: Society and the State. Vol. 1. Chicago: University of Chicago Press, 1979. 783 p.

## REFERENCES

1. Arakcheev V.A. *Vlast i «zemlja»: pravitelstvennaja politika v otnoshenii tjaglyh soslovij v Rossii vtoroj poloviny XVI–XVII v.* [Power and “Land”: Government Policy Towards Taxable Estates in Russia in the Second Half of the 16<sup>th</sup> – 17<sup>th</sup> Centuries]. Yekaterinburg, Drevlehranilishe Publ., 2014. 507 p.

2. Arakcheev V.A. «Po Semejkinu veleniju»: drevnejshee delo o korrupcii v Russkom gosudarstve 1593/94 g. [“At Semeikin’s Command”: The Oldest Case of Corruption in the Russian State, 1593/94]. *Drevnjaja Rus: Voprosy medievistiki*, 2024, no. 3, pp. 104–116.

3. Arakcheev V.A. Sobornoe ulozhenie i socialno-politicheskaja evoljucija Rossii vo vtoroj polovine XVII v. [Cathedral Code and the Socio-Political Evolution of Russia in the Second Half of the 17<sup>th</sup> Century]. *Rossijskaja istorija* [Russian History], 2023, no. 1, pp. 26–46.

4. Arakcheev V.A. Fenomen razboev v Rossii nachala XVII v.: k tipologii povstancheskih dvizhenij [Phenomenon of Robberies in Russia at the Beginning of the 17<sup>th</sup> Century: Towards a Typology of Insurgent Movements]. *Quaestio Rossica*, 2018, vol. 6, no. 4, pp. 972–983.

5. Vallerstajin I. *Mir-sistema moderna. T. I* [Modern World-System. Vol. 1]. Moscow, Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2015. 552 p.

6. Veber M. *Hozjajstvo i obshhestvo. T. IV. Gospodstvo* [Economy and Society. Vol. 4. Domination]. Moscow, VShE, 2019. 542 p.

7. Veselovskij S.B. Prikaznoj stroj upravlenija Moskovskogo gosudarstva [Order System of Government of the Moscow State]. *Russkaja istorija v ocherkah i statyjah* [Russian History in Essays and Papers]. Kiev, Kn. mag. N.Ja. Oглоблина, 1912, pp. 166–197.

8. Veselovskij S.B. *Trudy po istochnikovedeniju i istorii Rossii perioda feodalizma* [Works on Source Study and History of Russia During the Period of Feudalism]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 342 p.

9. Delo o zloupotreblenijah S. Emeljanova v bytnost ego djakom v Novgorode [Case of S. Emelyanovs Abuses When He Was a Clerk in Novgorod]. *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 141, inv. 1, 1593 g., d. 2. 58 l.

10. *Delo rozysknoe 1591 g. pro ubivstvo carevicha Dimitrija Ivanovicha na Ugliche* [Investigation Case of 1591 About the Murder of Tsarevich Dimitry Ivanovich in Uglich]. Moscow, Izd. Imp. arheol. in-ta im. Imp. Nikolaya II, 1913. 41 p.

11. Enin G.P. *Voevodskoe kormlenie v Rossii v XVII v.* [Voivodeship Maintenance in Russia in the 17<sup>th</sup> Century]. Saint Petersburg, Izd. RNB, 2000. 352 p.

12. *Zakonodatelnye akty Russkogo gosudarstva vtoroj poloviny XVI – pervoj poloviny XVII veka. Teksty* [Legislative Acts of the Russian State of the Second Half of the 16<sup>th</sup> – First Half of the 17<sup>th</sup> Century. Texts]. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 261 p.

13. Lisejcev D.V. «Privzeli v posuleh ustjuzhane sto rublev deneg»: zemskie miry i centralnaja vlast v Moskovskom gosudarstve [“The Ustyuzhans Brought a Hundred Rubles of Money to Posulekh”: Local Worlds and Central Power in the Moscow State]. *Rossiiskaja istorija* [Russian History], 2018, no. 4, pp. 90-110.

14. *Opis arhiva Posolskogo prikaza 1626 goda. Ch. 1* [Inventory of the Archive of the Ambassadorial Department of 1626]. Moscow, Gl. arhiv. upr., 1977. 416 p.

15. Redin D.A. *Administrativnye struktury i bjurokratija Urala v epohu petrovskih reform* [Administrative Structures and Bureaucracy of the Urals in the Era of Peter’s Reforms]. Yekaterinburg, Volot Publ., 2007. 606 p.

16. Svijazhskoe sysknoe delo pro voevodu Efima Mysheckogo [Svijazhsk Detective Case About Governor Efim Myshetsky]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 3, d. 82. 803 l.

17. *Svod pamjatnikov istorii Chuvashii i chuvashskogo naroda. T. 2* [Collection of Monuments of the History of Chuvashia and the Chuvash People. Vol. 2]. Cheboksary, Chuvash. gos. in-t. gumanit. nauk, 2020. 621 p.

18. Sedov P.V. Podnosheniya v Moskovskih prikazah XVII v. [Offerings in the Moscow Orders of the 17<sup>th</sup> Century]. *Otechestvennaja istorija*, 1996, no. 1, pp. 139-150.

19. Sledstvennoe delo o knjaze D.M. Pozharskom vo vremja bytnosti ego voevodoju v Pskove [Investigative Case About Prince D.M. Pozharsky During His Time as Governor in Pskov]. *Chtenija v obshhestve istorii i drevnostej rossijskih* [Readings in the Russian History and Antiquities Society], 1870, book 1, pp. 3-179.

20. *Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Tekst. Kommentarii* [Sobornoye Ulozheniye of 1649. Text. Comments]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 446 p.

21. Sysk o zloupotreblenijah Pozharskogo-Lopaty i Gagarina v Pskove v 1631 g. [Investigation into the Abuses of Pozharsky-Lopata and Gagarin in Pskov in 1631]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, inv. 13, d. 46, l. 277-307, 313-314.

22. Fletcher D. *O gosudarstve russkom* [About the Russian State]. Saint Petersburg, Izd. A.S. Suvorina, 1906. 138 p.

23. Florya B.N. *Ivan Groznyj* [Ivan the Terrible]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 1999. 401 p.

24. Dahrendorf R. Toward a Theory of Social Conflict. *Journal of Conflict Resolution*, 1958, vol. 7, pp. 170-183.

25. Mousnier Roland. *Social Hierarchies: 1450 to the Present*. New York, Schocken Books, 1973. 210 p.

26. Mousnier Roland. *The Institutions of France Under the Absolute Monarchy 1598–1789: Society and the State. Vol. 1*. Chicago, University of Chicago Press, 1979. 783 p.

### Information About the Author

**Vladimir A. Arakcheev**, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Director, Russian State Archive of Ancient Acts, Bolshaya Pirogovskaya St, 17, 119435 Moscow, Russian Federation; Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Dmitriya Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, arakk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8389-3806>

### Информация об авторе

**Владимир Анатольевич Аракчеев**, доктор исторических наук, доцент, директор, Российский государственный архив древних актов, ул. Большая Пироговская, 17, 119435 г. Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, arakk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8389-3806>